

Подмастерье

Лето 2010 года. Эдинбург

Стены старой больницы хранят множество тайн, которые открываются ежедневно. Однако значение загадочных находок не всегда понимают те, кто их обнаруживает.

Подмастерье столяра устал и проголодался. Обед, который ему каждый день исправно заворачивает с собой мать, давно съеден, и сейчас парню хочется лишь одного: поскорее уйти домой. К сожалению, у мастера другие планы — весь день он изводит помощника мелочными поручениями, по большей части какой-то ерундой. Яркий пример — последнее задание на сегодня, и его опять придется выполнять в одиночку.

Когда подмастерье начинает думать о людях, которые когда-то умерли в этих стенах, по коже пробегают мурашки. Он и сам появился на свет здесь же, в родильном отделении, однако никакого сожаления по поводу того, что это здание предназначено под снос, молодой человек не испытывает. Остальные корпуса вскоре перепрофилируют, так что величественная викторианская больница превратится в элитный квартал с симпатичными кафе и магазинами, а также с жильем, которое

он никогда не сможет себе позволить, если только не выиграет крупную сумму в лотерею.

Длинные палаты терапевтического отделения с видом на парк Медоуз переделают в квартиры; там, где сначала были подстриженные лужайки, а затем студенческие общежития факультетов клинической химии и медицинской физики, встанут небоскребы из стекла и бетона.

Каменные здания хирургического корпуса на Лористон-Плейс уже опустели. В башенках без окон, в которых прежде стояли ванны и мылись судна, по углам все еще ползают усатые чешуйницы. Запланированная реновация здесь только-только началась, и в коридорах с полами, выложенными в шахматном порядке черно-белой плиткой, стоит тишина: по ним больше не ездят ни каталки, ни инвалидные кресла, ни высокотехнологичные кровати, издающие тревожные сигналы, которые вызывают приступы паники у окружающих. Запахи утренней овсянки, дезинфицирующего средства и цветов, принесенных посетителями, сменились запахом пыли от штукатурки и вонью от разлагающейся тушки голубя.

В бывшем ортопедическом отделении пахнет старой древесиной: обшивку стен тут уже сняли. Подмастерью велели разобрать будку, где некогда размещался телефонный аппарат. Ему кажется, что это не работа для столяра — ведь ломать не строить, но он не собирается обсуждать задание. Еще до того, как его научили правильно держать стамеску, подмастерье усвоил, что задавать на этой работе лишние вопросы не имеет смысла.

На звуконепроницаемой стенке будки кое-как держится прикрепленная скотчем янтарного цвета карточка с напечатанными номерами:

ПОЖАР — 3333

РЕАНИМАЦИЯ — 2222

От этого недвусмысленного напоминания о смерти парнишка ежится.

Примерно на уровне его груди висит пустая полка, из которой торчат отсоединенные телефонные провода. Он бьет кулаком по ее деревянному дну, отчего поднимается пыль. Вообще-то, следовало бы надеть строительный респиратор, но уже скоро конец смены, так что идти за новым респиратором не хочется. Подмастерье просовывает гвоздодер молотка в щель между полкой и рамой, на которой первая держалась пятьдесят лет, и, используя рукоять в качестве рычага, с силой тянет вниз.

Шпунтовое соединение трещит под напором, и полка внезапно отрывается, так что приходится отскочить, чтобы не напороться на острые куски древесины. Кажется, что сейчас оттуда бросятся врассыпную в поисках нового укрытия маленькие мохнатые существа. Бог знает, как тут выживают мыши: еды-то вроде бы для них никакой нет.

Подмастерье поддевает деревяшки оббитым железом носком ботинка — ничего и никого. Мертвые грызуны едва ли не хуже живых, но, чтобы убедиться, он еще раз бьет ногой по куче обломков и уже потом наклоняется, чтобы рассмотреть все получше.

Среди мусора лежит конверт из манильской бумаги. Парень подбирает его и пытается прочесть адрес, но в коридоре стоит полумрак — лампы дневного света разбиты, так что ничего нельзя разобрать. Бросив недоделанную работу, подмастерье открывает соседнюю дверь с надписью «Кабинет врача».

Как и вся больница, эта комната, похоже, населена новыми формами жизни: в углу раздается какое-то шуршание. Высокие окна заросли паутиной, а жалюзи едва держатся на карнизе. Парень подносит конверт

к тусклому свету и осторожно протирает зеленую марку большим пальцем. Двенадцать пенсов. Интересно, когда отправка письма стоила столько? Он снова всматривается в адрес, пытаясь разобрать почерк, но вдруг слышит, как открывается входная дверь в отделение. Мастер зовет его, спрашивает, закончена ли работа. Подмастерье цепенеет и инстинктивно зажимает рот ладонью. Забраться сюда — это нарушение правил, поэтому лучше не отвечать вовсе. Последнее, что ему сейчас нужно, — это лекция по охране труда и технике безопасности.

Паренек вслушивается и, убедившись, что остался один, берет стул и садится за стол. Кладет конверт перед собой и начинает выдвигать ящики, но в них, кроме пустых листов бумаги и засохших шариковых ручек, ничего нет. Разочарованный, он поднимает трубку кнопочного телефона и гордо выпрямляется:

— Да, доктор слушает.

Потом вспоминает встречу с консультантом по трудоустройству в школе и осторожно кладет трубку на место.

— Даже и не мечтай, парень. Никаких шансов, — говорит он сам себе.

Подмастерье встает из-за стола и принимается бродить по кабинету, рассматривая мебель и брошенное оборудование. Негатоскоп для просмотра рентгеновских снимков часто показывают в телесериалах, и парень подходит, чтобы получше изучить прибор. Щелкает выключателем — раздается громкое жужжание, и аппарат пробуждается к жизни. Выключить его быстро не получается.

На доске у двери кто-то написал белым мелом:

ДО СВИДАНИЯ, 1 МАЯ 2003 ГОДА

Подмастерье вынимает телефон и фотографирует это послание, чтобы потом показать матери.

Конверт все еще лежит на столе, парень берет его и стряхивает пыль, перед тем как засунуть в один из многочисленных карманов рабочих брюк. Бросив последний взгляд на кабинет, выходит за дверь и идет по коридору к выходу на свежий воздух. Молоток он оставил на месте, чтобы вернуться в понедельник и закончить работу.

Только на втором этаже автобуса подмастерье вспоминает о конверте. В самый первый день работы в больнице всех рабочих проинструктировали, что подобные находки необходимо сдавать в строительный штаб. Молодой человек выходит из автобуса у дома своей девушки, видит ее и громко окликает. Она оборачивается и улыбается. Совсем рядом — в шести шагах — стоит красный почтовый ящик. Парень быстро вынимает письмо из кармана, бросает в ящик, потом бежит к подруге и заключает ее в объятия.

Вечер пятницы начинается отлично, а впереди еще целые выходные...

ДЖИН

21 марта 1911 года. Фабрика «Зингер». Клайдбанк

«Будет забастовка!» — Джин слышала, как эти слова негромко повторяли все вокруг, но сейчас стоило выбросить это из головы. Прямо на нее смотрел бригадир. Он то и дело вынимал из-за уха огрызок карандаша, что не очень-то вязалось с его солидной должностью, и делал очередную пометку в новеньком блокноте. Всего несколько недель назад этот парень был одним из них, и Джин задавалась вопросом, понимает ли он, насколько все для него изменится в связи с повышением.

Длинный зал цеха напоминал школьный класс на сто двадцать учеников со столами, рассчитанными на восемь — десять человек. Никто не знал, почему этот цех называли «Испытательным этажом», а цех по производству иглолок — «Иголочным этажом». Просто так было всегда.

Многие работницы еще помнили нового бригадира маленьким мальчиком с торчащими ушами, который когда-то жил в самом бедном районе города. Он играл на улице с их собственными детьми, а эти женщины угощали его толстыми ломтями хлеба. От него всегда пахло застарелой мочой. Работницам было совершенно

безразлично его недавнее повышение, но относиться к нему как к своему они больше не могли.

Бригадир прочистил горло и официальным, соответствующим положению тоном заговорил:

— Вы что, не можете проверить эту машинку, мисс Феррье? В чем дело?

Джин с трудом сопротивлялась желанию разогнуть спину и шею, чтобы дать телу отдохнуть после четырех часов непрерывного сидения на скамье в одной и той же позе. Она посчитала, что с утра это была уже седьмая машинка, которую не удавалось настроить простой подкруткой натяжного винта, и начала подозревать, что ей нарочно подсовывают проблемные.

Не поднимая глаз от стоящего перед ней механизма, Джин ответила:

— Дело в игле, ее нужно заменить.

Бригадир постучал указательным пальцем по своим новеньким часам.

— Вам необходимо работать быстрее. Так — неприемлемо! — Выдав данный вердикт, он двинулся дальше в поисках следующей жертвы.

Шепотки вокруг Джин продолжались, но она, не слушая, потянулась к ящичку с инструментами, общему для всех работниц за ее столом. Слева от нее были окна, доходившие до потолка. Однотонность стен разбавляли лишь яркие пятна пальто и шарфов, висевших в оконных проемах.

— Конечно, игла, — пробурчала она себе под нос.

Вооружившись отверткой, Джин удалила дефектную деталь и, закрыв глаза, покрутила тонкий металлический стерженек между пальцами. Сталь была гладкой, как весенняя травинка, еще полная сладкого сока. Крошечный заусенец на кончике подтвердил

первоначальный диагноз. Джин поставила новую иглу и убедилась, что на катушке достаточно нити для контрольного шва: не слишком много, не слишком мало. Наконец сделала нужное количество стежков на белой ткани с большей осторожностью, чем обычно, тщательно следя за тем, как игла проходит сквозь нити основы и утка¹, — один стежок следовал за другим. Она проверила длину стежков и ровность шва и, удовлетворившись результатами, обернула надкусанную нить вокруг катушечного стержня на верху машинки, тем самым показывая, что проверка закончена.

Только после этого Джин позволила себе прислушаться к тому, что творилось вокруг. Гул голосов, которые становились все возбужденнее, нарастал.

Восемнадцатилетняя Фрэнсис, ровесница Джин и ее соседка по столу в течение последних трех лет, энергично пихнула Джин локтем и кивнула в сторону противоположного конца цеха, где в дверном проеме высилась фигура мужчины. Судя по всему, он кого-то искал, оглядывая женские головки с туго заплетенными и подколотыми косами. Наконец он заметил Джин и застучал тяжелыми ботинками по деревянным половицам, двигаясь по проходу между стеллажами со швейными машинками с левой стороны и столами работниц — с правой.

Все здесь знали Дональда Кэмерона, который в свои двадцать пять лет выглядел на все сорок. Не обращая внимания на протесты бригадира, Дональд решительно шагал, производя при этом гораздо больше шума, чем нужно. Достигнув стола Джин, он подошел

¹ Утók — поперечные нити ткани, переплетающиеся с продольными (основой). — *Примеч. ред.*

к девушке и склонился над ней так низко, словно собирался поцеловать.

— Решил меня навестить? — улыбнулась она, вдыхая его запах, чувствуя тепло кожи.

— Зашел ненадолго, — ответил он.

Она смотрела на Дональда, и все женщины, работавшие рядом, тоже не сводили с него глаз. Кожаный фартук, синие грубые парусиновые штаны, подпоясанные широким кожаным ремнем, тяжелые, как гранит, ботинки. Рубашка без воротника с пятнами пота, обтягивающая широкие плечи; рукава высоко закатаны в соответствии с требованиями техники безопасности и закреплены чуть выше бицепсов; обожженные рыжие волоски на руках там, где искры от расплавленного металла каждый день добавляли новые мелкие шрамы. Она бросила взгляд на выступающую мышцу между большим и указательным пальцем, натренированную благодаря ежедневной работе с тяжелым, трехфунтовым молотом. Джин всегда нравились его сильные руки. Вряд ли ее подруги обратили внимание на бурый треугольник на рубашке сзади: эта отметина появилась в прошлом декабре, в тот самый день, когда в своей съемной однокомнатной квартире Дональд, подхватив Джин на руки, сделал ей предложение; она сказала «да», и он так быстро закружил ее по комнате, что Джин совсем потеряла голову и забыла про уют...

Ей пришлось напрячься, чтобы расслышать слова Дональда: мимо как раз проезжала тележка с новой партией машинок.

Он повторил то же самое, что Джин уже слышала от других:

— Будет забастовка.

Но его уверенность придала словам новый вес и смысл.

— Почему ты так решил?

— Трех женщин перевели из шлифовального цеха, а тем двенадцати, что остались, велели закончить их работу вдобавок к собственной.

— Опять сдельные работники страдают.

— Ну да.

— Как ты об этом узнал?

— Две из них пришли ко мне. Набрались смелости и заявили прямо в литейный цех.

Это было не совсем так: женщины долго жались у входа и собирались с духом, прежде чем войти в такое ужасное место. Но Дональд посчитал, что сейчас лучше назвать их при всех смелыми: пусть это знает и бригадир, который, находясь на другом конце цеха, читает его слова по губам.

Джин видела, что ее соседки прислушиваются к разговору.

— И что теперь будет?

Он показал на окна:

— Посмотри.

Она встала и, сопровождаемая десятками глаз, подошла к окну и выглянула во двор. Там уже собралось несколько десятков женщин, другие спускались по лестнице и присоединялись к ним.

— Началось?

Дональд стоял совсем близко.

— Да, — кивнул он. — После смены состоится митинг. Расскажи подругам. Расскажи всем. — Развернулся и направился к выходу.

Джин вернулась на место и молча села, чувствуя на себе взгляды. Начальник цеха — мужчина

с прилизанными волосами и чистыми ногтями, с хорошей зарплатой и пахнущий одеколоном — вышел из своего застекленного кабинета и уставился на нее, как делал уже неоднократно. Девушка спокойно выдержала такое демонстративное внимание, а когда начальник вернулся к себе, решила выполнить просьбу Дональда. Она положила руки на колени и заговорила:

— После работы состоится собрание. Урезаются зарплаты, и профсоюз предлагает организовать забастовку. Приходите.

Джин боялась, что не сумеет подобрать правильных слов, но закипающий внутри протест помог найти именно те, что были нужны, так что ее короткая речь прозвучала четко и однозначно. Ей показалось, что воздух вокруг заряжается энергией.

Прозвучал заводской гудок, знаменуя окончание смены. Работники устремились вниз по широким каменным ступеням. Визг и грохот распиловочных и токарных станков сменился гулом голосов: теперь можно было поговорить о футболе, о детях, о новых платьях и арендной плате за квартиру. Джин хотелось забрать все эти разговоры с собой, чтобы дома, в тишине, спокойно их повспоминать.

Через огромные ворота поток людей выливался на улицу. Начинало смеркаться. В голове все еще стоял шум от заводских машин. Джин и Фрэнсис уверенно шли вперед, рука в руке, вместе с тремя поколениями столяров, печатников, мастеров-игольщиков и маляров. Солоноватый запах тяжелого труда разливался в прохладном вечернем воздухе.

Главное здание фабрики за их спиной с двумя прослойками «глазурь» из более светлого камня напоминало

торт в кондитерской. Обширная фабричная территория простиралась более чем на сотню акров. Вместе с Джин здесь работало множество ее школьных подруг и соседей. Совместными усилиями они каждую неделю превращали тонны чугуна и кубометры древесины в десять тысяч новеньких швейных машинок.

Теперь эти люди замерли в тревожном ожидании.

— Как думаешь, чем все закончится? — спросила Фрэнсис.

— Пока непонятно...

— Что скажет твой отец?

— Он будет на стороне компании, — Джин убрала за уши несколько выбившихся прядей темно-каштановых волос, — так как считает, что им виднее.

— А Дональд?

— Дональд уверен, что все мы должны быть членами профсоюза. — В голосе Джин прозвучала гордость.

— Это, наверное, сложно.

— Для меня в этом нет ничего сложного. Даже наоборот — воскресенья у нас стали проходить гораздо интереснее. Мы так шумим, что нас, наверное, слышно по всей округе!

Девушки почувствовали, что толпа зашевелилась и стала сдвигаться: сквозь море работников, прокладывая себе дорогу плечами, пробирались несколько мужчин. Выбрав место, они установили на земле большой деревянный ящик, и на него с удивительной легкостью для человека его габаритов запрыгнул Дональд. Он поднял руки, призывая к тишине, и разговоры тут же прекратились.

— Этим утром, товарищи, — медленно, взвешивая каждое слово, начал Дональд, — компания в очередной раз допустила несправедливость в отношении

работников. Три женщины из шлифовального были переведены в другие цеха. — Он сделал паузу, чувствуя, как в толпе нарастает напряжение. — Теперь работу пятнадцати человек должны будут делать оставшиеся двенадцать.

Ропот становился все громче и почти заглушил последние слова Дональда. Он прервал речь, давая людям выразить недовольство, а потом продолжил:

— Товарищи, мы должны помнить, что ущемление прав одного из нас отражается на каждом. — Дональд раскинул руки, словно желая объять толпу. — Мы призываем к забастовке в поддержку наших коллег и просим к нам присоединиться. Пора выступить вместе, пора дать понять, что мы не хотим, чтобы с нами так обращались. Мы требуем справедливости! Компания не собирается на этом останавливаться, она планирует и другие изменения, которые затронут всех: нас самих, наших братьев и сестер, наших отцов и матерей. Пора действовать!

Джин обернулась к высокой башне с часами, хорошо видной за много миль отсюда, и заметила, как блеснуло в вечернем солнце окно конторы, когда его захлопнули. «Неужели начальство пыталось прислушиваться к тому, что здесь происходит?» — удивилась девушка.

Когда митинг закончился, молодые женщины, воодушевленные речами и планами, отправились по домам.

— Все это тянется уже много лет, — негодовала Джин. — Они сами вынуждают нас сопротивляться.

Фрэнсис согласно кивнула:

— Оставшимся женщинам нужно кормить детей и платить за квартиру. Как им выполнять увеличенную норму за то же время?

— Если мы сейчас ничего не скажем, то можем оказаться следующими. Вдруг от нас тоже решат перевести трех человек?

— Вот именно! Моя двоюродная сестра работала в этом цеху, прежде чем родила близнецов. Поиск дефектов очень сложен. Сначала нужно найти все шерстинки, а особенно глубокие потом заполнить специальным составом и только потом отшлифовать. Это не та работа, где стоит торопиться.

— Чем дальше, тем все хуже и хуже. — Джин обогнула большую лужу на своем пути. — Теперь понятно, почему в январе они обходили все цеха и что-то записывали.

— То есть ты присоединишься к забастовке? — спросила Фрэнсис, и дрогнувший голос выдал ее нерешительность. — Это важный шаг.

— Мы им покажем! Как они будут производить швейные машинки, если на фабрике не останется рабочих? — Джин яростно пнула камень, который отлетел в траву. Спасаясь от него, как от пушечного ядра, из подлеска выскочил кролик. — Смотри, вот так они про нас и думают: мы кролики, испуганные кролики. Но они ошибаются!

Когда Фрэнсис свернула к себе, Джин ускорила шаги. Она почти бежала по улицам, застроенным в несколько рядов жилыми домами из песчаника цвета ржавчины. Запах овсяного пудинга и жареных свиных колбасок доносился из открытых окон. Новость о забастовке распространялась быстро, и девушка чувствовала, как от нарастающей тревоги начинает сводить живот, но она старалась не обращать на это внимания.

Джин толкнула тяжелую входную дверь и перед тем, как взойти на последний этаж, остановилась перевести

дыхание. Подойдя к дверям своей квартиры, она услышала недовольные мужские голоса.

Спиной к ней стоял отец. Он обращался к шести своим товарищам по работе:

— Это просто горячие головы, они ничего не понимают в жизни. Те из нас, кто много лет проработал в компании, пользуются ее уважением. Я не собираюсь бастовать из-за каких-то трех баб! — Его негодование, казалось, переполняло комнату.

Следующим заговорил самый старый друг отца:

— Я тоже, Джордж, я тоже. Молодежь должна прислушиваться к нам, опытным мастерам. От нашего имени с компанией договаривается наш собственный профсоюз, а если появится еще один, более крупный, это вряд ли принесет пользу хоть кому-то из присутствующих здесь.

По их уверенным позам со скрещенными на груди руками было видно, что они считали себя рабочей элитой фабрики.

Слова вырвались у Джин сами собой:

— Речь не о каких-то трех бабах!

Отец обернулся к ней.

— Да ты-то что об этом можешь знать?! — В каждом его слове сквозило высокомерие.

Теперь все эти мужчины, знавшие Джин с детства, смотрели на нее. Она ступевалась и опустила глаза.

— Ясно же — ничего, — резюмировал отец.

Но тут Джин внезапно ощутила вспышку ярости и снова нашлась с ответом:

— Да, перевели только трех женщин, но это касается всех нас. Кто может сказать, что они сделают дальше?

Отец повысил голос, заглушая ее слова.